

Сергей БАТАЛОВ

Родился в 1982 г. в Ярославле. Окончил юридический факультет ЯрГУ им. П. Г. Демидова.
Занимался в литературном объединении «Третья пятница» при Ярославском отделении Союза российских писателей, в литературной гостиной «Стихия», в литературном объединении при Ярославском областном отделении Союза писателей России.
Публиковался в коллективных поэтических сборниках: «Серебряная даль», «Ярославский альманах», «Чем жива душа...», «Кочевье» и др.
Победитель публицистического конкурса «Русский характер: новый взгляд», проводимого в рамках общероссийской литературной «Илья-премии» (2011).
Работает в правоохранительных органах.
Живёт в Ярославле.

Разговор о погоде

Музыкальное...

Там, где лёгок, как вздох, полукруг музыкальной площадки,
Музыканты играли, и музыка делалась тише,
Оседала, стихая, над утренней стылой брускаткой,
Прижималась к земле и к земным делам делалась ближе.

И из музыки той, как сквозь морось сырого тумана,
Проступал не во сне — наяву чудом явленный город.
Проступали деревья, дома, парки, скверы, фонтаны,
Клумбы, вазы и львы, купола, и кресты, и колонны.

Проступал сквозь него чёрный плац древний Марсова поля,
Где ходили полки, чёткий шаг в чёткий ритм заплетая,

А ещё где-то там, в стороне, зашумела торговля,
Просыпалась от сна поутру это площадь Сennая.

И наполнился град своим шумом, и гулом, и гамом,
В Губернаторский дом собирались там гости на танцы...
И сидели в каморке своей в полутьме музыканты,
И молчали во тьме, согревая замерзшие пальцы...

* * *

Разговор о погоде
За книгами,
С умным дождём,
С очень умным дождём,
Ты не веришь мне? Нет? Что за дело?
С дождевою водой разговаривать можно о чём?
Как обычно, о многом, о том, что река обмелела
И никак не нальётся... Ты знаешь, ведь эти дожди
Промочили века и одежду, размыли дороги,
Никуда не проехать. Нам далее нету пути!
Будем дома сидеть, продолжать разговор о погоде...

Очень скользкая тема.
Огромный воздушный шатёр
Заиграет серебряной тканью за окнами дома.
Выходи на балкон. Или нет, загляни за балкон,
Загляни в глубину, высоту дождевого затона.
Так листва зелена, пахнет остро земля и трава,
Под дождём мрачно лезут в подвалы промокшие кошки.
Всё дожди и дожди... Чем такая погода права?
Тем, что, день отложив, наблюдать можно дождь за окошком.

Посмотри за окно, дождь всё там же, по-прежнему льёт.
Отвлекись от него, улыбнись, выпей кофе с корицей,
Посмотри за окно: там прохожий случайный идёт,
Безнадёжно зонтом от дождя не пытаясь укрыться.
Но он дальше идёт. Там, под зонтиком, спрятанный мир,
Знать, не хуже, чем наш, золотой, по-кофейному терпкий,
Всё вобравший в себя, словно зонтик огромный без дыр,
Нас укрывший собой от мокрот этой улицы топкой.

Разговоры с дождём. И молчание в ритме дождя.
В этом стуке воды тишина по-особому длится.
Как прекрасно молчать, и в молчании знать про себя,
Что, пока этот дождь, ничего на земле не случится.
Ты была под дождём. Много можешь поведать о том,
Как он дарит, бывает, на пару и насморк, и стойкость,

И поэтому так нам понятен вон этот с зонтом,
 Что бежит среди луж, демонстрируя некую бойкость.
 Мы стоим у окна. На границе дождя и тепла.
 Мягкий свет освещает двоих в молчаливой квартире,
 В мире нет никого, кроме нас. За окном темнота,
 И застыли с тобою мы взглядом в том сумрачном мире.
 Но по комнате той мотылек одинокий кружил,
 Бесконечность назад где-то раньше встречал его вроде,
 Ну пойдём, дорогая, и чайник, конечно, остыл,
 В теплой кухне с тобой продолжать разговор о погоде.

Сюжет для ненаписанного романа

Молодой живописец бросается в Рим.
 Утомлённый, бредёт по разбитым дорогам,
 Укреплённый в лишеньях, скитаньях — во многом,
 В вечных цыпках своих — молодой пилигрим

В этот Город приходит — как будто домой.
 Из фонтана пьёт воду — где торс Посейдона,
 И ему всё знакомо, хоть всё незнакомо,
 Много думал о ней — об Италии той.

Он вокруг поглядит: вот пасётся коза,
 Рядом — кошки, лежат средь каких-то развалин,
 Как в деревне его... Ведь ему не сказали,
 Как тоскуют по дому... Не скоро назад.

У фонтана мальчишки играют в пыли —
 Эти игры ему незнакомы, признаться, —
 Но он знает, что может, что должен остаться
 В этом месте, в котором он будет — один.

Здесь — учиться: любить, рисковать, рисовать,
 Просто жить в размышлениях о чём-то прекрасном,
 И когда оно станет хоть чуточку ясным,
 С лёгким грузом таким — возвращаться назад.

Чтоб в далёкой России — её не забыть! —
 Где другие совсем наблюдал он картины,
 Хоть росточек Италии — солнечной, милой,
 Хоть частицу её попытаться — привить.

Римское...

Мягкое зимнее солнце,
Скатываясь к земле,
Неким руинам древним
Лишь добавляет тайны,
Жирные римские голуби
Нежатся на окне,
Машут крылами,
В пару к открытым ставням.
Мир, где шатры из пиний
Дарят приют в тени
Разным прохожим,
Шедшим по всем дорогам,
В городе вечном этом
Чувствуешь — ты не один,
И никогда судьбу
Не будешь просить о многом.

В жизни всё очень просто:
Жизнь хороша, пока
Хлеба довольно нам
В ломтиках помидоров,
Чистой воды довольно:
Маленького глотка,
Что с акведуком древним
Нам подарили горы.
И теперь, поверишь,
Всё там же вода бежит
Древним руслом, как будто боясь остаться,
Чтобы в этих потоках света свой миг прожить,
Всею сотнею римских фонтанчиков
Расплескаться...

Солнце, правда, здесь очень мягкое,
Потому
Согревает нас, как горящий огонь в печурке,
Словно гладит ласково, глубину
Придаёт стенам, трещинам, штукатурке,
Этим кошкам в развалинах,
Что лежат,
Так, как будто хранят неземную тайну,
На туристов бросить боятся взгляд,
Будто — раз! — и выдадут всё случайно.

Даже лица здесь... Обожжённые,
Нет смуглей.

Будто год покрывались густым загаром,
Эти кудри чёрные —
Все в смоле.
Расцвели художества здесь недаром!
И любой ребёнок случайный здесь
Ангелочком смотрится Рафаэля,
Да и сам он, вроде бы, где-то есть,
Проезжал недавно, на той неделе.

Этот Рим, однако,
Так прост на вид,
Твою душу он ловит совсем не сразу,
В переулочках тайны свои хранит,
Полутёмных, сырых,
Недоступных чужому глазу...
Где-то там, в сердцевине,
В середине путей Земли...
На булыжнике ли,
На каком-то обломке античном
На беспечных прохожих случайных
На миг взгляни
И пойми, что теперь
Будет всё в твоей жизни отлично.

Погляди вокруг,
В черноту ночей погляди,
На фальшивыми сумками
В ней торгающихся
Сенегальцев,
Вот толпа идёт —
Погляди! — в ней идут одни
Бесконечных римских ночей
Скитальцы.
Пантеон стоит,
С Пантеоном стоит толпа,
Что ему толпа,
Если вечность проходит мимо?..
Убежишь в метро.
Но и там набежит волна,
В перехлёстье путей
Заиграет вдруг «Хава-нагила»...

То ли римский еврей, а то...
То ли просто безденежный итальянец,
Со своею скрипичкой к нам в метро —
Как с небес слетевший во тьму посланец.
Он играет так, что идти назад
Так ли, вдруг подумаешь, необходимо?

Видно, в музыке той
Есть какой-то особый лад,
Бесконечная тайна попавшего в вечность Рима.

Опускается ночь.
И лучей от луны пучок
Вырывает из тьмы
Некий портик, кусок колонны...
Ты идёшь домой,
И в тебе тот поёт смычок,
Ты идёшь домой,
В бесконечную жизнь влюблённый.
Самолёт летит,
С ним ты завтра летишь назад,
Рим идёт с тобой,
Он не просит тебя оставаться,
Потому жив в тебе
Этот самый особый лад,
И пока он жив —
Не приходится расставаться...

Кате

Разговаривать с ней — это чистую воду пить,
Разговаривать с ней — это просто глядеть в глаза,
И гулять под луной, строить планы, да просто жить —
Так любви началась долгожданная полоса.
Я живу сейчас, словно чистое небо пью:
Разговаривать с ней — это миг угадывать, птиц кормить...
От её небывалого: «Я люблю!» —
Мир становится тем, чем, казалось, не мог и быть.

Домам стиля классицизма
Век непонятный, век усталый
Домов эпохи классицизма.
Обыкновенный век, не старый,
Его застали даже мы...
Ты помнишь: кошки на окошке,
Бабульки, дворик очень чистый...
И одинокий брёл прохожий,
Держась тенистой стороны...

Ты помнишь, милый мой, ты помнишь,
Ведь здесь прошло и наше время,
Ты помнишь день, когда играли
Мы в самой солнечной пыли?

Тряслись соседские заборы,
Звенели старые трамваи,
Велосипедом день кружился,
И жизнь — по правилам игры...

А помнишь день, когда считали
С тобою солнечные пятна?
Палило солнце нам нещадно...
Тот день обратно не вернёшь.
Потом к нам опускался вечер,
Такой лишь чуточку прохладный,
Потом в «земельку» мы играли,
Бросая перочинный нож...

А если посмотреть внезапно
Во тьму старинных фотографий:
Иные дни, иные лица —
Но те же старые дома.
Седой извозчик держит лошадь,
И на прогулке — дамы в платьях...
Перед фасадом их, похоже,
Сменилась целая страна...

О, долговечный век усталый
Домов эпохи классицизма:
Лепниной — вазочки и лица,
Кисть винограда, чаши, львы...
Они довольствуются малым,
Им не пристало торопиться,
И за движеньем нашим странным
Устало смотрят вдаль они...

* * *

Сквозь немытые окна дремучих пустых поездов,
Созерцая киргизо-кайсацкие хмурые степи,
Чай держа в подстаканнике, я, тот беспечный ездок,
Проезжал сквозь больные пространства замёрзшие эти.

Частый стук подвагонный случайно отстукал «прости»,
Чем-то меньше нуля обрелась пустота за перроном,
Вот и всё, господа, вот и всё. Был я в долгом пути...
И плацкартный вагон обернулся мне временным домом.

В суету городов... В пустоту обозримых земель...
Сквозь пространство летя и уют охраняя вагонный,
Пролегла между явью и сном и моя колея,
Освящая пространство кругом ниткой улицы черной.

Но в пространстве пустом, как спасенье пустынных земель,
Взыбкой рамке небес, в темноте непростой, безыконной,
Огонёк замерцал, как морянка: «Прости и поверь»,
Как надежда на жизнь вот и в этой сумятице чёрной.

Давний призрак забытый калмыко-кайсацких костров?..
(Странный ритм поездов — кто не стал бы в дороге поэтом?)
За окном пролетают виденья — подобия снов...
Их забрать бы в стихи — но веду разговор не об этом....

В пустоте огонёк — лишь прилизившись — словно сгорит,
В полумраке ночном на миг станет достаточно света,
И в скрещенье теней электрический свет озарит
Человека в ночи, в попыхах говорящего это.

P. S.

Так и едем, меж тем или этим, своё сердце в печали скрепя,
Кто б в дороге сказал, на каком, том ли, этом он свете?
Я вернулся домой, а ведь мог и себя потерять,
А уж как или где, даже сам бы в пути не заметил.